

I

Поздним июльским вечером 1994 года Реду и Эбби Уитшенк позвонил их сын Денни. Супруги укладывались спать, Эбби стояла у комода в комбинации, вынимая шпильки из пучка непослушных светло-русых волос. Сухопарый брюнет Ред, в полосатых пижамных штанах и белой футболке, сидел на краю кровати и снимал носки; он и ответил, когда рядом на ночном столике затрещал телефон.

— Дом Уитшенков, — сказал он.

И затем:

— А, привет.

Эбби, с поднятыми руками, повернулась от зеркала.

— В каком смысле. — В голосе ее мужа не было вопроса. — А? Что за чушь, Денни?

Эбби уронила руки.

— Алло? — произнес Ред. — Эй. Алло? Алло?

Он пару секунд помолчал и повесил трубку.

— В чем дело? — спросила Эбби.

— Он гей.

— *Что?!*

— Мне, говорит, нужно тебе кое-что сообщить. «Я гей».

— И ты повесил трубку?!

— Нет, Эбби. *Он* повесил. Я только и успел сказать: «Что за чушь?» — а он уже шварк — и все.

— Ред, ну как же так можно? — простонала Эбби и потянулась назад за бесцветным, некогда розовым, ворсистым халатом. Укуталась, туго завязала пояс. — Что на тебя нашло?

— Да я же не хотел его обидеть! Когда тебе такое выдают, что еще скажешь? «Что за чушь». Нормальная реакция.

Эбби схватила за голову, примяв пышные волосы надо лбом.

— Я имел в виду, — принялся объяснять Ред, — «что *еще* за чушь, чем *еще* ты вздумал нас огорчить, Денни?» И он великолепно меня понял. Уж поверь. Зато теперь у него есть полное право заявить, что во всем виноват я, моя узколобость, или ретроградство, или... в общем, он найдет словечко. И он *обрадовался*, что я так ответил. Потому и повесил трубку: только и ждал от меня промашки.

— Ладно. — Эбби переменяла тон, заговорила деловито: — Откуда он звонил?

— Мне почем знать? У него нет постоянного адреса, он не объявлялся целое лето, он уже поменял работу дважды. Правда, дважды — это с его слов, а может, и больше! Парню всего девятнадцать, а мы не в курсе, в каком уголке планеты его искать! Это, спрашивается, нормально?

— А тебе по звуку не показалось, что это межгород? Ты не слышал такого, знаешь... шуршания? Вспомни. Мог он звонить отсюда, из Балтимора?

— Я не знаю, Эбби.

Она села рядом с мужем. Матрац прогнулся в ее сторону: Эбби была женщина широкая, плотная.

— Надо его найти, — сказала она. И чуть погодя: — Нам нужен этот... как его... определитель номера. — Она наклонилась и впиалась взглядом в телефон. — Боженька, подари нам определитель прямо сейчас!

— Зачем? Чтобы ты ему названивала, а он не отвечал?

— Он никогда так не поступит. Он бы увидел, что это я звоню. И обязательно ответил бы, если бы видел, что это я.

Она вскочила и зашагала туда-сюда по персидской ковровой дорожке, в центре вытертой почти до белизны от ее хождений. Спальня, просторная, хорошо обставленная, радовала глаз своей уютной затрапезностью — естественной для комнат, обитатели которых давно перестали замечать их красоту.

— А голос, какой у него был голос? — Эбби не успокаивалась. — Нервный? Расстроенный?

— Обычный.

— Это *по-твоему*. Он выпил? Как тебе показалось?

— Не знаю.

— А был с ним кто-нибудь? Компания?

— Не могу сказать...

— Или... кто-то один?

Ред резко вскинул глаза:

— Ты же не думаешь, что он серьезно?

— Разумеется, серьезно! Иначе с чего бы ему такое заявлять?

— Эбби, он не голубой.

— Ты-то откуда знаешь?

— Знаю, и все. Попомни мои слова. Потом поймешь, что вела себя глупо: ах, ужас и кошмар, я делала из мухи слона!

— Тебе просто удобно так считать.

— Да где твоя женская интуиция? Ведь речь о парне, который еще в средней школе довел девчонку до беды.

— И что? Это ничего не значит. Может, это вообще симптом.

— Чего-чего?

— Ничего нельзя знать наверняка о сексуальной жизни другого человека.

— Вот уж слава тебе господи, — проворчал Ред.

Он наклонился и, кряхтя, потянулся под кровать за тапочками, а Эбби остановилась и вновь приклеилась взглядом к телефону. Положила руку на трубку, замерла в нерешительности. Быстро схватила, на полсекунды прижала к уху, бросила обратно.

— С определителем номера штука в том, — словно обращаясь сам к себе, заговорил Ред, — что это в некотором роде жульничество. Телефонный звонок — всегда риск. Человек должен решить, рисковать ему или нет, отвечать или нет. В этом *суть* телефонной связи, я считаю.

Он с некоторым трудом поднялся и пошел в ванную. Эбби сказала ему в спину:

— Но это многое объяснило бы, согласишься? Если он действительно гей.

Ред уже закрывал дверь ванной, но высунул голову и недовольно уставился на жену. Его тонкие черные брови, обычно прямые как палочки, почти связались узлом.

— Иногда, — бросил он, — я горько проклинаю тот день, когда женился на социальном работнике. — И громко хлопнул дверью.

Когда Ред вернулся, Эбби сидела на кровати, сцепив руки на груди поверх кружев ночной сорочки.

— Ты не можешь винить во всех бедах Денни мою профессию, — сказала она.

— Я только о том, что ты иногда проявляешь *чрезмерное* понимание. Всепрощение, сострадание. Лезешь ребенку в душу.

— Понимание не бывает чрезмерным.

— Слова типичного соцработника.

Она раздраженно фыркнула и еще раз посмотрела на телефон, который стоял со стороны мужа. Ред забрался под одеяло, закрыв ей обзор, и выключил лампу на прикроватном столике. Комната погрузилась в темноту, лишь слабо светились два высоких окна, выходящие на газон перед домом.

Ред лежал на спине, а Эбби все сидела.

— Как думаешь, он перезвонит? — спросила она.

— Да, рано или поздно.

— Мальчику и так пришлось призвать на помощь всю свою храбрость. Вдруг он больше не осмелится?

— Храбрость? Какую еще храбрость? Мы его родители. Зачем для звонка родителям храбрость?

— Не родителям, а тебе, — сказала Эбби.

— Это нелепо. Я сроду его пальцем не тронул.

— Да, но и не поощрял никогда. Ты вечно ищешь в нем недостатки. С девочками ты весь сахарный, и Стем тоже твой человек. Но Денни!

С ним все сложно. Иногда мне кажется, что он тебе даже не нравится.

— Эбби, бойся бога! Ты прекрасно знаешь, что это неправда.

— Нет, конечно, ты его любишь. Но я видела, как ты иногда на него смотришь. С таким выражением: это еще что за тип? Не думай, что он этого не замечает.

— Прекрасно, — ответил Ред. — Но как тогда получилось, что избегает он тебя, а не меня?

— Ничего он меня не избегает!

— Лет с пяти-шести он не пускал тебя в свою комнату. Сам готов был менять постельное белье, лишь бы ты к нему не заходила. Он почти никогда не приводил в гости друзей, не признавался, как их зовут, и даже не рассказывал, как провел день в школе. Уйди, мама, говорил, не мешай, не лезь, не дыши мне в затылок. А та книжка с картинками — ну, которую он терпеть не мог, которую изорвал, помнишь? Где крольчонок, чтобы убежать, хотел превратиться в рыбку, в облачко и тому подобное, а мама-крольчиха твердила, что превратится в то же самое — и за ним! Денни вырвал из этой книги все страницы до единой!

— Это абсолютно ни при...

— Ты удивляешься, почему он стал голубым? То есть не стал, но как будто бы стал, раз уж ему пришлось в голову этим нас ошарашить, так вот знаешь почему? Я тебе скажу. Дело всегда в матери. В чертовой, понимаешь ли, матери!

— Что? — вскричала Эбби. — Это нелепая, устаревшая, ретроградская и... *неверная* теория! Я даже отвечать ничего не стану.

— Однако вон сколько наговорила.

— Как тогда насчет отца? Если следовать твоим же средневековым воззрениям. Как насчет отца-строителя, крутого мачо, который только и твердил сыну: «Не трусь, будь мужчиной, не хнычь из-за пустяков, лучше влезь на крышу и приколоть шифер!»

— Шифер не *приколачивают*, Эбби.

— Так что насчет отца? — повторила она.

— Хорошо, хорошо! Я такой. Худший в мире папаша. Все, поздно, не поправишь.

На мгновение воцарилась тишина, и стало слышно, как мимо едет машина.

— Я не сказала, что ты *худший*.

— Ну.. — буркнул Ред.

Они помолчали.

Затем Эбби спросила:

— Есть ведь, кажется, номер, который можно набрать, чтобы узнать, кто звонил последним?

— Звездочка шестьдесят девять, — незамедлительно ответил Ред и кашлянул. — Но ты же не станешь?..

— Почему?

— Напомню тебе, что разговор прервал Денни.

— Это потому, что ты его обидел, — заявила Эбби.

— Если б я его обидел, он бы подождал вешать трубку. Не бросил бы ее так сразу. А он как будто только того и ждал. Прямо-таки потирал руки в предвкушении, когда делал свое признание. Так с места в карьер все и выдал. Я хотел тебе кое-что сказать, говорит.

— Раньше было «мне *нужно* тебе кое-что сказать».

— Ну да, как-то так.

— Но все-таки что?

— А есть разница?

— Да, есть.

Ред помолчал секунду. Потом задумчиво зашептал:

— Я должен тебе кое-что сказать... Мне нужно тебе кое-что сказать... Пап, я хотел бы... — И сдался: — Я не помню.

— Набери «звездочка шестьдесят девять», будь добр.

— Я все не могу понять, зачем ему это? Знает же, что я не гомофоб. Черт, да у меня и на работе есть гей, мастер по гипсокартону. О чем Денни прекрасно известно. Не понимаю, почему он думал нас этим разозлить. В смысле, я, конечно же, не в восторге. Своим детям желаешь как можно меньше трудностей в жизни. Но...

— Дай телефон, — попросила Эбби.

Раздался звонок.

Эбби бросилась через Реда, но он схватил трубку первым. Впрочем, после небольшой возни телефон все равно оказался у Эбби. Она села прямо и сказала:

— Денни?

И тут же:

— А, Джинни.

Ред опять лег ровно.

— Нет-нет, не спим, — заверила Эбби. И после паузы: — Конечно. А что с твоей? — Снова пауза. — Нет-нет, без проблем. Да, завтра в восемь, увидимся, пока.

Она передала трубку Реду. Тот взял ее и поставил на базу.

— Просит мою машину, — объяснила Эбби, укладываясь на своей стороне кровати. И добавила тон-

ким, каким-то очень одиноким голосом: — Звездочка шестьдесять девять теперь не работает, да?

— Нет, — ответил Ред. — Не думаю.

— Ой, но что же нам делать? Мы больше никогда его не услышим. Он не даст нам второго шанса.

— Да что ты, милая, — успокоил Ред, — Денни обязательно еще позвонит, точно тебе говорю.

Он привлек жену к себе, пристроил ее голову на свое плечо. Так они и лежали, пока Эбби не успокоилась и не задышала медленно, размеренно. А Ред все смотрел в темноту и вдруг зашептал еле слышно, пробуя так и этак:

— Должен сказать тебе кое-что. Мне нужно тебе кое-что сказать. Пап, я бы хотел. Пап, мне нужно. — Потом раздраженно мотнул головой на подушке и начал снова: — Сказать тебе кое-что: я гей. Кое-что тебе сказать: думаю, что я гей. Я гей. Я думаю, что я гей. Думаю, что, возможно, я гей. Я гей.

В конце концов Ред замолчал и тоже заснул.

* * *

Разумеется, он потом позвонил. В семье Уитшенк чурались *мелодраматизма*, и даже Денни был не из тех, кто способен исчезнуть с лица земли и прекратить всяческое общение, — во всяком случае, не так чтобы раз и навсегда. Он, правда, тем летом не поехал с ними на море, но вряд ли из-за обиды, просто зарабатывал себе на карманные расходы в следующем году (Денни учился в колледже Сент Эскил в Пронгхорне, штат Миннесота). Он позвонил в сентябре и попросил денег на учебники. Дома,